

Где-то древность хранят старики

«Жили-были старик со старухой. Вот как-то взял старик полено и вырезал из него человечка. И случилось чудо...» Так можно начать рассказ о народном мастере деревянной скульптуры Владимире Николаевиче Зазнобине. Действительно, мир, в котором жил Владимир Николаевич, очень напоминает мир сказки — сказки, созданной своими руками.

Наверное, если у человека есть талант, то рано или поздно он обязательно проявится. Поздно и неожиданно проснулся самобытный талант Зазнобина. Всю жизнь плотничал, прошёл две войны, а на старости лет, уж на седьмом десятке, вдруг начал резать ножом и топором ветряки да скворечники с забавными человечками и зверюшками, какие видел ещё мальчишкой у старых деревенских плотников. И завертелись весёлые пропеллеры, а из удивлённо раскрытых ртов деревянных мужичков стали вылетать молодые скворцы. Чего только не придумал мастер-ворожей: от лёгкого дуновения ветра били в тарелки зайцы и медведи, стучали молоточками кузнецы, строчила на своей машинке швея, играл на рояле пианист.

Кроме ветряков и скворечников, стал создавать Владимир Николаевич и целые скульптурные композиции, маленькие сценки, в которых отразилось мировоззрение крестьянина, жившего в сложные времена борьбы старой и новой жизни. Вот важно едет в санях помещик, читает молитву новобрачному попу в сценке «Венчание», а в других композициях прощается со своей любимой красноармеец, уезжающий на фронт, держит под уздцы горячего скакуна бравый Будённый, ведут крестьяне скот в новый колхоз. Причудливо переплелись в его работах сказка и быль, правда и выдумка. Мастер воссоздаёт и сцены мирного крестьянского труда («Пахарь», «Доярка с коровой», «На рынок»), и персонажей сказок («Репка», «Дед Мазай и зайцы», «Курочка-ряба», «Дед Мороз», «Рыбак с золотой рыбкой»).

Оригинально, с большой любовью выполнена серия работ, посвящённых А. С. Пушкину: полон спокойного достоинства образ сидящего поэта, а вот гордый Пушкин встретился с царём, едущим... в автомобиле (!). Сзади на дощечке надпись, поясняющая эту сцену. Царь попросил поэта: «Пушкин, скажи что-нибудь». — «Дайте слово, ваше величество». — «Говори». — «Вместо этого фонаря повесить бы нашего царя, засиял бы луч свободы». Рука поэта выразительно указывает на фонарь над ним.

Сюжеты скульптурок разнообразны, но у них есть нечто общее — единый стиль изображения, и именно в нём заключается особая самобытность и в то же время — традиционность. Взглянешь на этих раскрашенных человечков, и всплывают в памяти лики древних идолов и культовые фигурки: домового XII века из Новгорода, мужичок XVIII века из Переславля-Залесского, «Тётя Аня — кислוגубая баба» из Вологодской области — в её образе крестьяне сохранили память о древней богине ткачества и судеб, прародительнице рода. Напоминают скульптурки Зазнобина также улы и скворечники XIX века в виде дедов и бабок, хранящиеся в Историческом и Загорском музеях. А зазнобинское изображение Георгия Победоносца на коне — любимый образ русской деревянной скульптуры средневековья, считавшийся символом величия и непобедимости Руси, — перекликается с деревянными статуями XV века из Юрьева-Польского и Ростова-Ярославского. Спасаемой же Георгием Победоносцем царевне Зазнобин придаёт образ русской крестьянки.

Скульптурки Зазнобина так же статичны, на первый взгляд, как скульптуры средневековых мастеров, и так же подкупают какой-то особой выразительностью и непосредственностью, а неподвижные, загадочные глаза и застывшая полуулыбка деревянных человечков накладывает на них печать архаики, отмечающей статуи древнегреческих «кор» и «курсов». Есть в них что-то исконное, непреходящее.

* Денисова, И. Где-то древность хранят старики / И. Денисова // Лес и человек — Ежегодник, 1988. — М.: Лесная промышленность, 1987.

Глубоко в древность уходят истоки традиционного «топорного» стиля резьбы, в котором исполнены скульптуры Зазнобина. Когда-то фигуру идола-охранителя — её устанавливали в лесу или на перепутье дорог — надо было сделать столькими ударами топора, сколько дней в году, и на каждый удар — слово заговора. Сделаешь на несколько ударов меньше — на столько дней деревня остаётся беззащитной от стихийных бедствий, одним ударом больше — и заклинание потеряет силу. Так что было не до отделки деталей. Некоторые старые народные мастера резьбы по дереву ещё помнят, как деда их вырезали фигуру домового обязательно пятьюдесятью двумя прикосновениями инструмента к дереву, по числу недель в году, шепча при этом какие-то слова. Такой домовый считался мифическим предком семьи, у него просили благополучия, достатка, верили, что от него зависит прирост семьи, что он вкладывает душу в новорождённого. Человечки Зазнобина — прямые потомки этих домовых-покровителей.

с. 50 Всё больше появлялось деревянных жителей в доме Владимира Николаевича, им становилось уже тесно под его крышей. И случилось чудо: нашли В. Н. Зазнобина в глухой, окружённой лесами деревушке Горки под Переславлем-Залесским признание и известность. Всё чаще стали заезжать сюда «Волги» и «Жигули», а как-то даже надолго задержалась «Киносъёмочная». Появились статьи в газетах и журналах, вышел фильм о сказочном «топорном» искусстве залесского мастера, стали путешествовать деревянные человечки по выставкам. Видимо, затронули эти наивные скульптурки какие-то сокровенные струны в душах людей, напомнили об утраченном навсегда детстве, когда, казалось, леса и реки были полны таинственных леших и водяных, качались на деревьях русалки, пряла при лунном свете свою волшебную пряжу Мокошь и охраняли младенцев в зыбках добрые берегини.

Старики Зазнобины продолжали свою тихую, уединённую жизнь в домике с резными наличниками и ветряками. Всё так же жизнерадостная Евдокия Васильевна полоскала бельё в маленьком пруду около дома с мостков, сделанных её мужем, всё так же солила на зиму грибы и угощала ими многочисленных теперь гостей.

Осенью 1981 года мы ездили вывозить закупленную Всероссийским музеем декоративно-прикладного и народного искусства коллекцию изделий Зазнобина. Стоял ясный сентябрьский день. Машина быстро катилась с холма на холм по лесистой переславской дороге, оставляя за собой маленькие речушки и деревеньки. Было ощущение, будто едешь в прошлое, куда-то в забытую, но вдруг ожившую лесную сказку.

В то время старик был болен, мы посетили его в больнице. Но как только он покинул больничные стены, снова взялся добывать липу и краски, колоть дрова, ремонтировать избу. Ведь до этой болезни в свои восемьдесят один он был ещё очень крепок и подвижен. И так много ещё хотелось сделать... В тот же год Владимира Николаевича не стало. Из витрин и с полок музеев и частных коллекций продолжают смотреть на нас забавные деревянные человечки, храня свою тайну и напоминая нам о том, как бережно должны мы относиться к наследникам древних традиций.